

В. П. Желиховская

ЗАВЕЩАНИЕ

Вера Петровна Желиховская

Завещание

Аннотация

«Это странное дело случилось не так давно; но мало кто знал о нём, и по невозможности дать рациональное объяснение фактам, те, кто знали, предпочли предать его забвению. Но мне сдаётся, что именно такие-то неразгаданные случаи и не следовало бы забывать. Дело было зимою, перед самыми святками. Иван Феодорович Лобниченко, нотариус, которого контора находится на одной из главных улиц Петербурга, был спешно призван, для засвидетельствования духовного завещания, к смертельно больному...»

Вера Петровна Желиховская

Завещание

Святочный рассказ

I

Это странное дело случилось не так давно; но мало кто знал о нём, и по невозможности дать рациональное объяснение фактам, те, кто знали, предпочли предать его забвению. Но мне сдаётся, что именно такие-то неразгаданные случаи и не следовало бы забывать.

Дело было зимою, перед самыми святками. Иван Феодорович Лобниченко, нотариус, которого контора находится на одной из главных улиц Петербурга, был спешно призван, для засвидетельствования духовного завещания, к смертельно больному.

Больной собственно не был клиентом Ивана Феодоровича; в других обстоятельствах он, пожалуй, и отказался бы от позднего визита после утомительного рабочего дня... Но умирающий был сановник и миллионер, а таковым ни в жизни, ни в смертные часы тем более, отказов не полагается.

Лобниченко захватив писца и всё нужное, со вздохом почесал за ухом и, отложив мечты о прелестях его ожидавшего винта, – отправился к больному.

Генерал Юрий Павлович Дрейтгорн был плох: самые милосердные врачи не давали ему и нескольких дней жизни, когда он окончательно решился уничтожить завещание, давно им составленное, не здесь, а в том губернском городе, где он царил многие годы.

Генерал приехал в столицу на время, – а слёг вероятно навсегда.

Таково было мнение докторов и большинства его окружающих; сам же больной не хотел этого признавать... Это был сильный духом, а некогда и телом, высокий, бравый старик, с энергичным лицом и глубоким, властным взглядом, которые забыть было трудно, хотя бы раз их увидав.

Он лежал на диване в роскошной, по гостиничному, квартире, составленной из трёх лучших номеров меблированных комнат. Он встретил нотариуса довольно бодро. Сам рассказал ему в чём дело, хотя порою останавливаясь от приступов боли, с трудом преодолевал стон, готовый вырваться несмотря на все усилия. В эти тяжёлые минуты Иван Феодорович поднимал на него заплывшие жиром глазки, и вся его маленькая фигурка сочувственно корчилась, невольно симпатизируя страдальцу. Как только этот мужественный, на жизнь и смерть бившийся со страданием, человек пересиливал его, опускал руку от лица, искажённого болью, и тяжело переводя дух, – принимался снова объяснять свою волю, Лобниченко опускал глаза и весь превращался в слух и внимание.

Генерал обстоятельно объяснил нотариусу. Он был женат два раза, имел троих детей: сына и дочь от первого брака, давно совершеннолетних, и девятилетнюю дочь от второй жены. Он ждал этих двоих каждый день: они были за границей, но должны были теперь скоро быть здесь... Вероятно, приедет и старшая дочь.

Нотариус не знал семьи Дрейтгорна, он и его видел впервые, – хотя, как все в России, знал его по репутации; но по тону сдержано презрительному или жалостливому, когда он говорил о жене своей и младшей дочери, он сразу догадался, что генерал в семейной жизни не совсем счастлив... Дальнейшие слова больного его в том удостоверили. Нужно было составить новое завещание, совершенно противное первому, написанному шесть лет тому назад и дававшему Ольге Всеславовне Дрейтгорн неограниченные права над их малолетней дочерью и всем наследством мужа. Он почти целиком, за исключением родового имения, которое считал себя не в праве отнять у сына, завещал всё благоприобретённое жене и младшей дочери, – в том, первом завещании. Теперь же желал восстановить забытые им права старших детей, в особенности дочери своей, Анны Юрьевны Борисовой, о коей в первом документе и речи не было.

Ныне, кроме седьмой, вдовьей части недвижимого состояния, он все свои земли и капиталы делил между детьми своими поровну; а над имуществом малолетней – Ольги Юрьевны, назначил самую строгую опеку.

Завещание было составлено, записано, засвидетельствовано как следует, за подписью троих свидетелей и, по желанию генерала, оставлено у него.

«– Я вам его отошлю на хранение», – сказал нотариусу Юрий Павлович, – у вас оно будет сохранней, чем здесь в моём временном помещении. Но прежде я желаю прочесть его жене и... и старшей дочери, если... если она успеет приехать.

Нотариус и священник, бывший одним из свидетелей, готовы были уж раскланяться, когда в коридоре раздались голоса и шаги; в дверях показалась голова камердинера, поспешно вызывавшего доктора: приехала, оказывалось, не предупредив никого телеграммой, барыня-генеральша.

Домовой доктор поспешил выскользнуть из комнаты больного; он боялся для него волнения, надо было предупредить жену его об опасности положения... Но больной заметил суету, его трудно было уберечь от жизненных тревог.

– Что там случилось? – спросил он, – что вы мямлите, Эдуард Викентьевич? Говорите в чём дело? Не дочь ли?..

– Ваше превосходительство, прошу вас, поберегите себя! – начал было доктор, как видно хорошо знакомый с домашними обстоятельствами генерала, а потому боявшийся за встречу супругов. – Это ещё не Анна Юрьевна...

– Ага! – оборвал его больной, – приехала... Ну, что ж! Пусть идёт сюда. Только... Только маленькой, – дочери я бы не хотел... сегодня...

В глазах его выразилось страдание, на сей раз не физическое.

Дверь отворилась, о неё засвистело шёлковое платье... Высокая, полная, очень красивая женщина показалась на пороге и, взглянув на измождённое лицо, презрительно усмехавшееся ей навстречу, – в одну секунду очутилась возле генерала, на коленях, у ног его на ковре, и припав к нему, заломила руки, отчаянным шёпотом повторяя:

– O! Georges! Georges! Est-ce bien toi, mon pauvre ami?..

Трудно было бы определить разнообразные, быстро сменявшиеся на лице больного оттенки чувств, вздымавших грудь его и заставлявших его богатырское сердце метаться и трепетать до боли. Негодование и жалость, сострадание и презрение, гнев и печаль – всё вылилось в озлобленном, коротком и резком смехе и в двух словах, которые у него вырвались при виде девочки, его дочери, несмело вступившей вслед за матерью в комнату.

– Не учите лгать! – глянул он по её направлению и с сострадательной гримасой отвернулся к стене.

Нотариус и священник поспешили раскланяться и удалиться.

– Ах, грехи! грехи! – шептал последний, сходя с лестницы.

«– А что», – спросил Лобниченко, – нелады, видно, между супругами?

– Уж какие лады, когда сюда приехал развода искать! – прошептал батюшка, нахлобучивая меховую шапку. – Да, вот, Бог иначе судил: и без развода навеки разъединятся в сей жизни!

– А мне сдаётся не так он безнадёжен... Сложение богатырское!.. Может и вытянет! – предположил законник.

– Во всём – Бог! – пожал плечами батюшка.

И они разошлись.

II

– Оля! – позвал, не поворачиваясь, больной и, почувствовав возле себя поспешное движение жены, устранил её нетерпеливым движением руки и прибавил, – не вы! Дочь.

– Olga! Подойдите, дитя моё! Папа? вас зовёт, – поспешите! – нежным голосом, по-французски обратилась генеральша к девочке, растерянн стоявшей среди комнаты.

– Нельзя ли оставить иностранные фразы! – сердито прикрикнул генерал. – Здесь не салон... Можно бы... из приличия!

Голос его сорвался на визгливой нотке и заставил девочку вздрогнуть и заплакать. Она несмело подошла...

Отец поглядел на неё тоскливо.

Взял её руку левой рукой, а правую поднял, чтобы благословить её.

– Во имя Отца и Сына, и Святого Духа, – шептал он, отчётливо крестя её большим крестом, – Господь храни тебя... от зла! От всего дурного... Будь доброй, честной... Главное: честной! Никогда не лги! Боже сохрани тебя от неправды, от лжи пуще, чем от всякого горя...

Слёзы заволокли глаза умиравшего. Маленькая Оля дрожала всем телом; она боялась отца и вместе так его жалела! Но жалость превозмогла, – она припала к нему, обливаясь слезами. Отец поднял руку, хотел перекрестить ещё раз её голову, лежавшую у него на груди, но не смог закончить креста. Рука его тяжело упала, лицо вновь исказилось страданием; он повёл глазами, на окружающих, очевидно, избегая встретиться взглядом с женой и прошептал:

– Уведите!.. Не надо. Христос с ней!

И на мгновение он ещё нашёл силы положить руку на головку дочери.

Доктор взял девочку за руку, но мать её быстро к ней склонилась.

– Baissez donc la... Поцелуй же руку папá! – спохватилась она. – Простись с ним...

Генеральша захлебнулась и закрыла лицо платком величественным жестом театральной королевы. Больной не видел этого. При звуке её голоса он сдвинул брови и крепко зажмурил глаза, стараясь не слушать. Доктор увёл девочку и сдал её в другой комнате гувернантке.

Когда он вернулся к больному, тот, лёжа на диване, всё в той же позе, не глядя на стоявшую у изголовья жену, говорил ей:

– Я жду свою бедную, из-за вас обиженную Анюту... Я у неё просил прощения. Я её умоляю быть матерью своей сестре... Её я назначаю опекуницей. Она хорошая, честная. Злу не научит... Да и вам так лучше! Вы обеспечены... узнаете из новой духовной. Выгод от опекуинства, по ней, вы иметь не могли бы! Если Анна не захочет взять Олю к себе, воспитывать со своими детьми, как я её прошу, – Ольга будет отдана в институт. Вам свобода милей и нужнее дочери!.. Не правда ли?

Презрение и горькая насмешка звучали в его голосе.

Жена не возражала ни полусловом. По её неподвижности можно бы подумать, что она его не слышит, если бы её не выдавало судорожное подёргивание рта и пальцев крепко сжатых рук.

Домовый доктор хотел было снова скромно удалиться, но его остановил призыв генерала.

– Эдуард Викентьевич?.. Здесь он?

– Здесь, ваше превосходительство!

Он нагнулся к больному.

– Не угодно ли вашему превосходительству перейти на кровать? Лёжа, право, будет легче...

– Умирать?.. – резко прервал генерал. – Что чушь пореешь?.. Знаешь, что терпеть не могу кровати, одеял!.. Отстань!.. На-ко вот, возьми, – он подавал ему сложенный вчетверо лист гербовой бумаги, лежавший рядом с ним, – прочти, пожалуйста!.. Громко!.. Чтобы знала.

Он повёл глазами на жену.

Неохотно взялся доктор за исполнение неприятного поручения. Он был человек деликатный, и хоть генеральша не стояла во мнении его особенно высоко, но она всё же была женщина... И женщина прекрасная... Он предпочёл бы, чтобы она от другого узнала, как много житейских благ отходило от неё в силу нового завещания генерала... Но делать было нечего! Прекословить Юрию Павловичу всегда было трудно; теперь же совершенно невозможно.

Ольга Всеславовна прослушала чтение духовной в совершенном спокойствии. Неподвижно сидела она, опрокинувшись в кресле, опустив глаза и лишь выказывая волнение в те минуты, когда муж её не в силах был сдержать стона. Тогда она поворачивала к нему своё бледное, красивое лицо, с явными признаками сердечного соболезнования и даже порывалась оказывать ему помощь. Больной нетерпеливо отклонял её услуги, каждый раз многозначительно поводя глазами и бровями на доктора, читавшего его последнюю волю, будто хотел сказать: «Слушай, слушай! Тебя касается!»

Касалось, – что говорить!

Генеральша Дрейтгорн узнала, что вместо сотысячного годового дохода, на который имела право надеяться, может рассчитывать только на безбедное существование, что в её понятиях равнялось нищете.

Доктор закончил чтение, откашлялся, чтобы скрыть смущение, и медленно свёртывал документ.

– Слышали? – спросил генерал хриплым, отрывистым голосом.

– Слышала, мой друг! – спокойно ответила ему жена.

– Ничего не имеете сказать?

– Что ж я могу сказать? Ты в праве распоряжаться своим имуществом... Только... я всё же...

– Всё же?.. Что? – резко спросил муж.

– Всё же надеюсь, мой друг, что это не последняя твоя воля...

Дрейтгорн обернулся, даже сделал усилие встать на локтях.

– Ты, даст Бог, поправишься. Быть может тебе не раз ещё придёт охота иначе распорядиться! – хладнокровно продолжала генеральша.

Больной упал на подушки.

– Ошибаетесь!.. Хотя бы я и не умер, – более вам меня не морочить! Это моя последняя воля! – прохрипел он.

И дрожащей рукой подал доктору связку ключей.

– Пожалуйста!.. Вон шкатулка... Заприте, спрячьте духовную.

Доктор исполнил его желание, не глядя на Ольгу Всеславовну. И она не смотрела на него. Пожав плечами на последние слова мужа, она осталась невозмутима и чужда всему, кроме его страданий. Страдания его, казалось, её терзали!..

Зато умиравший не спускал тревожных глаз с доктора, и как только тот запер большую дорожную шкатулку, он протянул к нему руку за ключами.

– Пока жив, – у меня будут! – промолвил он, пряча всю связку в карман... – А как умру, – тебе поручаю их, Эдуард Викентьевич. Сбереги, в последнюю услугу.

Он опять отвернулся к стене.

– А теперь – дайте покой!.. Боль отступила, может засну... Уйдите!

– Мой друг! Позволь мне остаться возле тебя! – промолвила было генеральша, склоняясь нежно к мужу.

– Уйди! – резко крикнул он. – Дай покой, говорю.

Она встала, шатаясь.

Доктор поспешно подал ей руку. Она вышла, опираясь на него, снова трагически прикрыв платком глаза.

– Успокойтесь, ваше превосходительство! – сочувственно шептал доктор, плохо сам сознавая, что говорит его язык. – Вот здесь приготовлены вам комнаты... Вам ведь тоже нужен отдых, после такого долгого пути...

– О! Я о себе не думаю!.. Мне так его жаль!.. Бедный, бедный безумец!.. Много я от него вынесла! Он такой подозрительный, такого тяжёлого характера... И странностей у него бездна!.. Вы знаете, доктор, мне иногда положительно казалось, что он не совсем здоров...

– Г-м! – кашлянул врач.

– Хотя бы эта странная перемена завещания! – продолжала генеральша, не дождавшись более определённого сочувствия. – Это обращение со мною... За что?..

– Да... Это весьма печально! – пробормотал врач.

– Скажите, доктор: он ждёт своих детей?

– Только Анну Юрьевну! Только её одну. Она обещала приехать со старшими детьми... Ещё вчера была телеграмма. Целый день ждали...

– Скажите!.. Откуда внезапная нежность? Десять лет не видалась... Может быть и супруга её ждёт? Зятя своего, этого азбучника? – презрительно осведомилась генеральша.

– Нет! Где же? Человек служащий... И сын тоже, Пётр Юрьевич: не могут тотчас приехать! В командировке, в Закаспийском крае... Даль!

– Да, далеко! – согласилась генеральша, очевидно занятая другими мыслями. – А скажите, Эдуард Викентьевич, эта новая духовная... давно она написана?

– Только сегодня. Только сегодня-с. Черновая была заготовлена на прошлой неделе; но генерал всё медлил. А тут, как с утра сегодня приступили эти боли...

– Последние? Опасные? – перебила Ольга Всеславовна.

– Крайне!.. Признаки весьма дурные... Как они появились, Юрий Павлович поспешили послать за нотариусом... Вы ещё его застали здесь.

– Да!.. А та, старая, прежняя духовная значит уничтожена?

– Н-не знаю-с... Но не думаю... Ах! Нет, нет, я и забыл: генерал собирались телеграфировать.

– Да?.. Телеграфировать?

Генеральша пожала плечами, грустно покачала головой и прибавила:

– Он так переменчив! Так переменчив!.. Впрочем, я думаю, что всё равно: ведь, кажется, по закону имеет силу последнее завещание?

– Да-с. Несомненно – последнее.

Генеральша поникла головой.

– Мне что обидно! – с горькой улыбкой зашептала она, очень близко склоняясь к молодому врачу и очень сильно налегая на его руку. – Мне что обидно, – не деньги! Я не корыстолюбива. Но зачем же отымать у меня дочь?.. Зачем, помимо родной матери, поручить её полусестре?.. Женщине, которую я не знаю, которая никакими заслугами, ни добродетелями, кажется, не отличалась! Я буду оспаривать!.. Я на это не соглашусь! Закон должен вступить за право матери!.. Как вы думаете, доктор?

Доктор поспешил согласиться, хотя поистине, ни о чём в ту минуту не думал, кроме странной манеры красивой генеральши, разговаривая, так... неудобно близко склоняться к собеседнику.

В эту секунду раздался звонок и громкий голос генерала.

– Доктор! Эдуард Викентьевич!

– Здесь! – отозвался врач.

И оставив Ольгу Всеславовну на пороге её комнаты, он рысцой побежал к больному.

«Для умирающего – здоровый голос!.. Кричит, как на смотру бывало!» – подумала генеральша.

И красивое лицо её сразу подурнело проступившей на нём ненавистью.

Это было мимолётное выражение, однако; оно очень быстро заменилось печалью, когда она увидела выходявшего от больного камердинера.

– Что с барином, Яков, хуже?

– Нет-с, Бог миловал. Приказали подать к себе ближе шкатулку, и отворить её велели Эдуарду Викентьевичу. Какую-то телеграмму ещё писать желают.

– Ну, слава Богу, что не хуже... Яков! Я тоже сейчас посылаю на телеграфную станцию своего курьера, можете ему отдать и телеграмму генерала...

– Слушаю-с.

– Да вот ещё что: я ложиться не буду, – чуть что с барином, Бога ради, сейчас ко мне в дверь постучитесь, Яков!.. Я вас прошу – в ту же минуту скажите мне!.. Вот вам, Яков, возьмите... Вы даже похудели от трудов за болезнь барина.

– Покорнейше благодарю, ваше превосходительство. Мы трудов своих жалеть не должны! – объяснил лакей, пряча крупную ассигнацию.

III

Против ожидания ночь прошла довольно спокойно. Волнения и усталость взяли своё: Ольга Всеславовна, как ни крепилась, к утру крепко заснула; а когда проснулась, то перепугалась тому, что позднее солнце ярко светило в окна.

Горничная, ловкая немка из Вены, пять лет не покидавшая этой сподручной ей барыни, успокоила её тем, что барину лучше; что он ещё почивает, почти всю ночь не спав...

– Доктор при них и Яков до свету работали! – объявила она. – Разбирали они разные бумаги: иные связывали, что-то надписывали; другие рвали или в камин бросали. Полна решётка пепла. Яков сказывал.

– А телеграмм других не было?

– Не было больше, Яков и наш Фридрих сейчас бы меня окликнули, – я ведь вот тут, в буфетной прикурнула, оба они то и дело пробегали, на посылках. Но телеграмм кроме тех, что с вечера посланы, больше не было.

Ольга Всеславовна оделась, позавтракала и пошла к мужу. Но на пороге его комнаты её ждало распоряжение больного: без особого зова никого, кроме доктора и старшей дочери его, если бы она приехала, к нему не впускать.

– Вызовите Эдуарда Викентьевича! – приказала генеральша.

Домашний доктор был вызван и со смущением подтвердил приказание генерала.

– Но быть может он не думал, чтобы такое распоряжение могло меня касаться? – изумилась она.

Доктор извинялся, но должен был сознаться, что-она-то именно и была названа, что его превосходительство именно просил передать её превосходительству, чтобы она не беспокоилась его навещать.

– Он помешался! – кротко, но с убеждением заявила генеральша, пожав плечами. – Откуда такая ненависть? За всю мою любовь к нему, старику, годившемуся мне в отцы!..

И Ольга Всеславовна снова прибегла к содействию носового платка, на сей раз, вместо слёз, приявшего несколько сдерживаемых рыданий.

Конфузливый с женщинами, врач стоял, опустив голову и глаза, как виноватый.

– Что это вы, говорят, всю ночь жгли? – осведомилась Ольга Всеславовна слабым голосом.

– О! Далеко не всю ночь!.. Так, Юрий Павлович вспомнил, что надобно истребить кое-какие старые письма, бумаги. Кое-что привести в порядок... Там в шкатулке, есть и на ваше имя пакетец... Мне было приказано надписать адрес...

– В самом деле?.. Нельзя ли видеть его?

– О, никак!.. Всё заперто в шкатулке, вместе с духовным завещанием. И ключи у генерала.

Снисходительно-горькая улыбка искривила рот молодой женщины.

– Так это новое завещание не попало ещё в камин? – спросила она.

И на испуганное отрицание доктора, повторившего, что «оно поверх всего в шкатулке лежит», прибавила:

– Ну, так ещё попадёт! Не беспокойтесь!.. Особенно, если Бог продлит жизнь моему мужу. У него, ведь, всегда непонятная страсть писать новые документы, – доверенности, дарственные записи, духовные, – что ни попало! Писать новые и сжигать прежние... Ну, что же делать? Надо покориться новой фантазии... Больному нельзя противоречить.

Ольга Всеславовна ушла к себе. Она вышла только на несколько минут в этот день из своей спальни, чтобы узнать конечное слово светил медицинской науки, собравшихся, после полудня, на генеральный консилиум; а весь остальной день провела взаперти. Заключение врачей, хотя совершенно разнились в подробностях, в главном сходились и были неутешительны: жизнь и продолжительность страданий больного были вопросом недолгого времени.

Вечером была получена телеграмма от Анны Юрьевны; она уведомляла отца, что будет на другой день к пяти часам вечера.

– Дождусь ли?.. Ох! Дождусь ли... – целый день повторял больной.

И чем сильнее он волновался, тем грознее были приступы его страданий.

Он провёл дурную ночь. К утру болезненный припадок несравненно сильнее прежних едва не унёс его. Он еле дышал от страшных страданий... Теперь уж ему не помогали горячие ванны для рук и паровые вдыхания, приносившие некоторое облегчение ранее.

Доктор, сестра милосердия, прислуга – сбились с ног. Одна жена, по-прежнему, не имела к нему доступа. Она бесновалась от злобы, стараясь, не безуспешно, всех убедить, что сходит с ума от отчаяния. Девочку, Олю, ещё накануне увезла одна родственница генерала к себе в дом, – «на всё это ужасное время» ... В эту ночь генеральша Дрейтгорн совсем не ложилась, не отходила даже, как следовало преданной жене, от дверей мужниной комнаты. Когда предутренний припадок утих, она попыталась было войти к нему; но едва больной увидел её у изголовья постели, куда, наконец, его уговорили лечь, как сильнейшее нетерпение исказило черты его, и, не будучи в состоянии говорить, он только замахал на неё руками и сердито, хрипло застонал.

Сестра милосердия очень решительно попросила генеральшу не смущать своим присутствием супруга...

«Мне это терпеть! Мне терпеть всё это?!.. – мысленно терзалась оскорблением Ольга Всеславовна. – Терпеть от него, а после него страдать от нищеты?.. Ну, нет! Не бывать тому... Лучше смерть, чем нужда и такой позор!»

Она углубилась в мрачные размышления...

Это неприязненное движение при виде жены было последним сознательным поступком Юрия Павловича Дрейтгорна. К восьми часам утра он потерял память, среди тяжких страданий, не затихавших более до самой кончины. В начале полудня его не стало...

В последний час агонии жена его беспрепятственно стояла на коленях у его изголовья и неутешно рыдала.

Грозный сановник, миллионер, большой барин обратился – в труп!

Всё пошло своим чередом. Обычная суэта и бесцеремонный шум, вместо осторожного шёпота, поднялись вокруг умершего, готовя ему парадное погребение. Близких, кроме жены, возле него никого не было, а она лежала, то в обмороках, то в истерике. Все заботы пали на скромного домашнего доктора, и он хлопотал неустанно, добросовестно, в поте лица, стараясь ничего не упустить из виду. Но, как всегда бывает, упустил самое важное. Ранние сумерки уж спускались на Петербург, окутанный морозным туманом, когда Эдуард Викентьевич Полесский отчаянно хлопнул себя по лбу: он вспомнил о ключах, о шкатулке, вверенной покойным его охране. В это время тело, одетое в мундир и все регалии, лежало уж в смежной, большой комнате на столе под парчой, в ожидании гроба и обычных венков. Доктор бросился в опустевшую спальню.

В ней всё уж было прибрано, кровать стояла без тюфяка и подушек; на диване ничего тоже не было.

Где же ключи? Шкатулка?

Шкатулка стояла на прежнем месте, нетронутая, запертая... У него отлегло от сердца... Однако ключи?.. Сейчас, вероятно, явится полиция... Удивительно, что её до сих пор нет!.. Опечатают... Надо, чтобы в порядке... Где Яков? Наверно он взял. Или... она?.. генеральша?

Полесский бросился на поиски камердинера, но его не оказалось. Хлопот было много, он поехал что-то купить, заказать. «Ах! Боже ж мой! А объявления? – вдруг вспомнил он. – Надо сейчас написать, сейчас послать в редакции газет. Надо её спросить, однако, – генеральшу!.. В каких-де, словах?.. Всё же, хоть он её и знать не хотел, но она теперь главное лицо! Да кстати спросить не видала ль ключей?»

Доктор помчался на половину генеральши. Она лежала измученная, но вышла к нему... В каких выражениях? Ей право всё равно!.. «С глубоким прискорбием» или «с душевным», – какое ей дело?.. Ключи?.. Какие ключи?.. Нет, она никаких ключей не видала и не знает, где они. Да чего он тревожится?.. Прислуга верная: ничего не пропадёт...

– Да, но их надо иметь наготове, для полиции. Сейчас придут печатывать бумаги покойного...

– Печатывать! Зачем?

– Таков закон... Чтобы всё было цело, до прочтения завещания во исполнение воли покойного.

Генеральша Дрейтгорн заметно побледнела. Она не знала и не ожидала такой помехи... Доктор был слишком занят, чтобы заметить эту бледность.

– Так я сейчас напишу объявление и пошлю в редакции. В «Новое время» и в «Новости», – я полагаю довольно?

– Как знаете!.. Пишите здесь, у меня. Вот всё что нужно: перья, бумага. Напишите, – прочтёте мне... Я сейчас, только положу компресс на голову... Страшная мигрень!.. Подождите же меня.

И генеральша вышла из приёмной в спальню.

– Рита! – шепнула она своей поверенной субретке, спешно обшивавшей её крепом траурное платье, – не выпускай доктора, пока я не вернусь! Слышишь?.. Что хочешь делай, только не выпусти!

Генеральша скользнула из спальни в боковую, маленькую дверь и исчезла.

Две комнаты до той, где лежало тело, были совершенно пусты и сумрачны, ничем не освещённые; из той шёл тоненький луч света от лампы, зажжённой у иконы. Свечи ещё не горели, чтец-дьячок ещё не приходил... Их ждали вместе с батюшкой и с гробом; пока возле умершего никого не было, только в передней, проходной комнате сидела сестра милосердия.

– Помолиться желаете? – спросила она генеральшу.

– Да... Помолюсь там... В его комнате.

Она проскользнула мимо покойника, на него не взглянув, в его бывшую спальню и притворила за собою двери. Запереть их на ключ она побоялась, да и зачем?.. Дело одной минуты... Вот она – шкатулка, – старая знакомая! И ключ от неё ей хорошо знаком: когда-то не так давно, – у мужа не было от неё тайн, ни запретов.

Быстро вложен ключ в замок, быстро поднята крышка... «Бумага? Эта новая, «подлая» бумага, которая может её всего лишить!.. А! Вот и она. Дурак этот не обманул: с самого верха. И искать нечего, слава Богу».

«Скорей теперь закрыть, запереть плотную крышку; сунуть ключи, куда-нибудь, – вот хоть между сиденьем и спинкой кушетки, на которой он лежал... Вот так!»

Вздых облегчённого страха слетел с прекрасных, побледневших за эти тревожные дни, губ красивой женщины. Отныне она могла быть спокойна!

«Взглянуть на этот «документ» его жестокости! Несправедливости! Тупоумия!.. Чтоб, не дай Бог, не вышло ошибки!..» Ольга Всеславовна подошла к окну, и пользуясь последним лучом серого дня, развернула духовную.

«Во имя Отца и Сына и св. Духа» ... – прочла она...

«Да! Это оно: завещание» ...

«Как он говорил эти самые слова тогда, благословляя Олю! – вспомнилось ей. – Благословлял! А та же рука не дрогнула подписать это!.. Лишить её, их обеих всего – из-за тех, ненавистных людей? Но теперь – не бывать тому! Просим прощения! – не рядиться твоей голопятой азбучнице в павлиньи перья! Нам с Олей – деньги более к лицу!»

И генеральша чуть не прищёлкнула победоносно пальцами в ту сторону, где он лежал. Она, несмотря на французское воспитание, в минуты увлечения была тривиальна.

Вдруг близёхонько под дверями раздались шаги. «Помилуй Бог! А у неё в руках громадный толстый лист гербовой бумаги! Куда девать?.. Сложить и думать нечего успеть. Вот! Уже входят... Кто бы?»

И духовное завещание на полу, и сама генеральша тоже на полу, – на коленях на нём как на коврике, в молитвенной позе, заломила руки на подоконник и влажный взор устремила на мигавшую звёздочку, словно небеса принимая в поверенные и свидетели своего безутешного, вдовьего горя...

То была только сестра милосердия.

– Сударыня, там люди пришли, принесли гроб и, кажется, полицейские.

– Ах! Я сию минуту!.. Скажите пожалуйста, что я сейчас.

Сестра милосердия вышла.

«Ишь, поди ведь, как она мужа любила! И за что ж он её обижал напоследок?» – невольно укорила она покойного генерала.

А генеральша между тем поспешно поднялась, сложила духовную как попало, вчетверо, в восьmero, и зажав её в руке торопливо вышла из этой, теперь её пугавшей комнаты.

Она до того растерялась, что забыла даже поискать свой карман... Она только крепко держала свой свёрток, а руку опустила вниз, пряча её между складками широкого пеньюара.

В комнате, только что пустой, ей показалось теперь так много народу, что у неё зарябило в глазах. Сердце её стучало немилосердно и кровь била в виски так громко, что она никак не могла понять о чём её, спрашивают?.. Её спрашивали: можно ли переложить тело в гроб, уже стоявший рядом. Молчание принято за согласие... Привычные люди ловко взяли и приподняли осевшее тело.

Ольга Всеславовна стояла у изголовья. Из-за приступивших погребальных служителей она вдруг увидела, к ней шедшую с протянутою рукою, со слезами сочувствия на глазах, княгиню Рядскую, – ту самую сановитую родственницу, которая взяла к себе маленькую Олю...

«Надо ей подать руку, – а в руках этот проклятый свёрток!.. Куда его девать? Как спрятать?»

В глаза ей метнулся блестящий, пепельно-бледный лоб покойника, беспомощно закинутый назад, на сторону, в ту минуту, как всё тело висело на руках над своим вечным жилищем...

Спасительная мысль!

Нежно склонилась генеральша к гробу. Нежно поддержала холодную голову покойника... Нежно опустила её на атласную подушку, расправила рюшь, окружавшую это твёрдое изголовье и незаметно оставила под ним скрученный свёрток бумаги...

«Вот так верней! – пролетали в ней мысли. – Ты ведь хотел же сам хранить свою духовную: ну и храни её во веки!.. Чего же лучше?»

И ей стало даже смешно... Она с трудом успела задержать улыбку торжества, превратив её в горькую улыбку печали, в ответ на соболезнования родственницы...

Гроб уж торжественно красовался на столе; его покрывали парчой, цветами... Княгиня-родственница, поклонившись в землю, первая возложила привезённый венок.

– Страдалец! Успокоился! – шептала она, качая головой. – Панихида скоро будет?.. А где же... Где же Ольга Всеславовна?

– Они сейчас! – умиленно зашептала ей в ухо «сестра». – Пошли оправиться... Сейчас начнут собираться на панихиду, – а они в расстройстве... Очень убиваются! Не угодно ли присесть?

– А?.. Что?.. Присесть?.. Благодарю! – свысока процедила княгиня.

И направилась ко вступавшему в дверь благочинному украшенному многими регалиями и сановитую бородою.

Генеральша быстро вошла к себе.

– Рита! Скорее вымыть руки, одеваться. Ах! Извините, пожалуйста, доктор! Меня ведь звали туда, – к мужу... Его уж положили в гроб! – тяжело вздохнула она... – Что это? Да, объявление о кончине? Хорошо! Хорошо!.. Отошлите, пожалуйста, а мне надо скорее одеваться. Там сейчас панихида.

– Доктор! Не здесь ли доктор? – раздались тревожные призывы за дверью.

– Иду! Что такое?

– Пожалуйста скорее, Эдуард Викентьевич! – призывал его Яков. – Там барыне, внизу, Анне Юрьевне очень дурно!.. Я вот, цветы заказывал, вернулся, смотрю: а в прихожей барыня без чувств лежит. Только что приехали, спрашивают, а им прямо: «скончался!» говорят... Безо всякого приготовления!.. Ну, они не вынесли: в обмороке!

Яков договаривал всё это на ходу.

– Комедиантка! – в негодовании решила Ольга Всеславовна.

И тут же мысленно прибавила: «Ну, да теперь она хоть на голове ходи, так мне всё равно!»

IV

Всё ли равно было ей или не всё, однако глубокое отчаяние дочери, не успевшей проститься с отцом, не успевшей принять его благословения, после многолетнего гнева, тяготевшего над неповинной головой молодой женщины, так было очевидно искренно, произвело на всех такое сильное впечатление, что и мачеха её взволновалась.

Анна Юрьевна была похожа на отца, насколько может быть похожа молодая, стройная, хорошенькая женщина на пожилого человека со строгими чертами и атлетическим сложением, каким отличался генерал Дрейтгорн. Но несмотря на нежность сложения и кротость взгляда, в чёрных глазах её иногда загоралась искра очень похожая на вспышки в отцовском взоре, и волей своей, сильным характером и непреклонной настойчивостью на том, что ей казалось правым и необходимым, Анна была двойником покойного.

Почти десять лет, со дня замужества её с любимым человеком, которого злонамеренные люди успели оклеветать во мнении генерала, дочь его покорно несла его гнев. Не переставая писать ему, умоляя простить её, понять, что он ошибался, что муж её честный человек, и что она была бы совершенно, вполне счастлива, если бы не тяжесть гнева отцовского и разлука с ним, она никогда, до последнего времени, не получала его ответов. Лишь в последний месяц случилось что-то непонятное: отец не только написал ей, что желал бы повидаться с ней и детьми в Петербурге, куда должен тотчас ехать, но через несколько дней написал опять, – длинное нежное письмо, где прямо просил её прощения. Ничего не объясняя, он говорил, что получил такие явные доказательства невинности и рыцарской честности её мужа, что чувствует себя перед ним глубоко виноватым и несчастным своей несправедливостью. В следующих письмах Дрейтгорн, умоляя дочь поспешить приездом, потому что он болен и по мнению докторов «долго не протянет», её окончательно поразил уведомлением о смысле своего нового духовного завещания, о неперенной воле разлучить меньшую дочь «с такою матерью» и мольбами к ней и мужу её не отказаться принять к себе на воспитание маленькую Ольгу.

– Что случилось? Чем так могла эта пустая женщина так жестоко оскорбить отца? – в недоумении рассуждала Анна.

– Если бы она только была пуста! – пожав плечами, отвечал ей муж. – Но она так зла, так хитра и так беззастенчиво смела, что от неё всего можно было ждать!

– Но в таком случае был бы скандал! Мы бы, наверное, что-нибудь знали... Нынче погляди, вон, даже в газетах расписывают такие истории, а мой отец такой известный, заметный человек!

– Вот и причина почему не пишут! – улыбаясь, заметил Борисов.

Сам ехать он отказался наотрез. Он с ужасом вспоминал тот первый год своей женитьбы, когда он ещё не мог добиться перевода в другой город и поневоле терпел встречи с этой ненавистной ему женщиной, – «с этой женой Пентефрия», – как он мысленно со смехом над собой самим, порою обзывал Ольгу Всеславовну; да и с ним, с её мужем, этим честным умным стариком, так унижительно отдавшимся в распоряжение хитрой и низкой интриганке! Анна Юрьевна знала, что муж презирает её мачеху; что он ненавидит её за всё горе, им перенесённое чрез неё, а ещё более за её дурное влияние на отношения отца её к её брату.

Борисов шесть лет жил учителем и воспитателем при Пете Дрейтгорне и очень любил его. Мальчик был уж в последних классах гимназии, когда сестра, на два года старше его, кончила курс и вернулась в отцовский дом почти одновременно с вторичной женитьбой генерала.

То, что молодой учитель старался не замечать и терпеть, ради дружбы к своему воспитаннику, в первый год свадьбы Дрейтгорна, стало невыносимо, когда приехала его дочь, и ко всем осложнениям трудного положения Борисова ещё прибавилось сознание их взаимной любви... Тут он повёл дело начистоту и всё скоро разыгралось. Никогда, никому в свете не заикался молодой человек о причине ненависти к нему генеральши Дрейтгорн. Он искренно надеялся для спокойствия своего тестя, что он никогда о ней не узнает. Анна была убеждена, что всему причиной гордость её мачехи, сумевшей и отцу её внушить предубеждение против такого, по её мнению, «*mésalliance*’а». Отчасти она была права, но главные причины вражды остались ей навсегда неизвестны. К несчастью не так было с её отцом.

В последние годы он всё сильнее разочаровывался в достоинствах своей жены. Дошло наконец до того, что генералу стало спокойнее жить, когда его супруга отсутствовала... До последней болезни Юрия Павловича, которая, сказать к слову, едва ли не была и первой, – Ольга Всеславовна уехала на год путешествовать с дочкой по чужим краям; но пробыла не более двух месяцев, как генерал неожиданно решился ехать в Петербург искать развода, увидаться с дочерью и переменить своё духовное завещание... Быть может он и не решился бы никогда на такие крутые меры, если бы не случилось нечто никем не предусмотренное.

Борисов напрасно думал, что он так тщательно уничтожал все письма к нему молодой генеральши в то время, когда не был ещё женат, – что не осталось никаких вещественных доказательств её раннего вероломства. У неё и до замужества была поверенная, исполнявшая многие маленькие поручения красивой барышни, слава которой гремела в трёх приволжских губерниях, – арене её ранних лет. Впоследствии молодая барыня нашла себе в чужих краях новую любимицу, эту самую Риту, которая и ныне была при ней. Марфа, русская наперсница, конечно возненавидела «немку» и пошли между ними такие баталии, что не только генеральша, но и сам генерал лишились покоя. Марфа была не промах: её Ольге Всеславовне приходилось беречь; она и берегла, но и сама не знала до какой степени находится в её руках. Предвидя чёрный день неблагодарности, Марфа с удивительной предусмотрительностью откладывала по одному или по несколько писем из каждой серии тайных переписок барыни, неуклонно проходивших через руки её, в разные времена. Быть может она и не воспользовалась бы ими так зло, если бы не последняя смертельная обида барыни!..

Ценя в слуге, кроме расторопности, знание языков, барыня её услугами не пользовалась обыкновенно за границей, но брала с собой в путешествие, доньне, обеих горничных. Но в предпоследнюю поездку Марфа до того надоела ей вечными слезами и ссорами, что генеральша задумала обойтись без её услуг, тем более, что с нею ехала ещё гувернантка при дочери. Штат выходил чересчур велик.

Не стало меры озлоблению Марфы, когда она узнала, что остаётся дома... Дерзость её была так велика, что она прямо сказала барыне, что «жалее её», советует ей её не обижать, потому что она «такой обиды без отместки не оставит». Но барыне и в голову не приходило, что Марфа замыслила и чем она рискует.

Едва генеральша уехала, Марфа попросила генерала отпустить её, говоря, что она поищет дела в другом месте. Задерживать её генерал не видел возможности, да и не желал, видя в ней вздорную сварливую бабу. Доверенная слуга ушла из дому, уехала даже из города! И тут-то началось её мщение и пытка Юрия Павловича, сразу подкосившая его счастье, здоровье, едва ли не самую жизнь. Почти каждый день начал он получать письма из разных мест России, – у Марфы кумовей и друзей было множество!.. С беспредельной жестокостью Марфа начала свои присылки с менее важных документов шалостей его жены. Вначале приходили записочки, ещё подписанные её девичьим именем; потом два-три письма из серий последних лет, и, наконец, пришла целая пачка посланий генеральши в первый год брака, «к учителю» – когда Борисов ещё не знал Анны.

Коварная Марфа, прекрасно зная всё, о чём в этих записочках говорилось, часто передавала их содержание на словах, а их припрятывала и сберегала, ввиду того, что «ведь Бог знает, что может со временем приключиться?..»

«Не будут нужны – сожгу! а может пригодятся?.. Господ завсегда хорошо в руках держать!» – рассуждала сметливая баба – и не ошиблась в расчётах, хотя эти письма послужили не к выгоде ей, а только к кровавой мести.

Они самые, – записочки и письма эти, открывшие окончательно глаза генералу на личность его супруги и собственную его вопиющую несправедливость к родным детям, и лежали теперь в шкатулке покойного, аккуратно завернутые в пакет, с надписанным доктором адресом, на имя «её превосходительства, Ольги Всеславовны Дрейтгорн».

По первому же письму отца Анна стала собираться в Петербург, но на беду её задержали болезни сначала одного ребёнка, потом другого. Если бы не последние телеграммы его, она и теперь бы ещё не выехала, потому что не знала о его опасной болезни.

Но теперь, приехав слишком поздно, бедная женщина простить себе не могла этого.

Всуже тяжело было видеть, как она убивалась над гробом отца, после панихиды!.. Княгиня Рядская разливалась в слезах, на неё глядя; и все многочисленные знакомые и родственники гораздо более расстроились её отчаянием, нежели смертью самого генерала. Ольга Всеславовна втайне была скандализирована такой несдержанностью; но по наружности была очень расстроена и тронута положением своей бедной падчерицы... Однако она не рискнула, при людях, явно высказывать ей симпатию, помня слово, вырвавшееся «у этой сумасшедшей», когда её привели в себя из обморока и она было бросилась к ней с объятиями.

– Уйдите от меня! – закричала, увидав её, Анна. – Я не могу вас видеть, вы убили моего отца!

Хорошо, что в передней были одни лакеи! Но вновь это выслушать, при многочисленных свидетелях, генеральша рисковать не желала.

При том она была чересчур встревожена: гости, собравшиеся на панихиду, навезли цветов и «полоумная княгиня» вздумала, с помощью других двух дам, сама украшать ими гроб и в особенности изголовье... Трудно представить себе, что вынесла Ольга Всеславовна, глядя, как все эти руки рылись в складках кисеи, в рюше, под покровом, чуть ли не под самой атласной подушкой... Ещё немного и она могла бы непритворно упасть в обморок.

Она всегда хвалилась, что у неё крепкие нервы, и точно это была правда; однако за эти дни и их крепость, видно, не выдержала, потому что она долго не могла в ту ночь заснуть, и ей то и дело Бог весть что мерещилось... Едва к утру заснула Ольга Всеславовна, да и то ненадолго.

Тёмная ночь ещё стояла над спавшим городом. Мрак и тишина воцарились наконец в успокоившихся меблированных комнатах, где в целой анфиладе пустых покоев крепче и спокойнее всех спал вечным сном генерал Дрейтгорн. Невыразимо торжественно и спокойно рисовалось лицо его среди пёстрых цветов, лоснясь в свете нагоревших восковых свечей. Между чёрными бровями застыла складка, словно он не переставал и теперь озабоченно решать глубокую думу; а тонкие губы крепко были сжаты, как и при жизни, когда он принимал твёрдое, непоколебимое решение.

В этот самый неподвижный час ночи, когда над усопшим смолкло монотонное чтение псалтыри, и чтец, еле добравшись до ближнего дивана, растянулся на нём и храпел богатырски, – Анна Юрьевна видала во сне отца своего, но в совершенно новом виде. Она рассказывала впоследствии, что на неё, против ожидания, как только легла она, истомлённая слезами, вдруг снизошло такое полное, ясное спокойствие духа, будто кто снял с неё невидимый гнёт. Не то чтобы она забыла, что отец её умер, что его нет в живых, – нет! Она ни на секунду не забывала свершившегося; но оно не казалось более таким тяжким, горьким, непоправимым бедствием... У неё явилось вдруг не размышление и не вывод из каких-либо умствований, а безотчётное сознание, убеждение, что не из чего так убиваться, что в конце концов – всё равно! Немного ранее или позже – разве в том суть?.. Отец её умер; она – ещё жива; а через каких-нибудь полстолетия – не всё ли это равно?.. Оба будут мертвы, – и оба будут живы!.. Да! – будут, будут живы!.. Как оба живы и ныне, и вовеки. Они не виделись десять лет; отец не успел благословить её. Но он хотел её благословить, и благословение на ней пребудет; пребудет тоже, несмотря на продолжение временной разлуки и их любовь, – бессмертная любовь, всё переживающая, единый вечный союз духа...

И торжественный покой снизошёл на неё в силу этой уверенности, сразу её осенившей как бы вышним, животворящим светом. Не успела она сомкнуть в сладкой дремоте усталых глаз, как увидела его пред собою. И видя, всё же помнила, что для земной жизни он мертв, но не смущалась этим более... Пусть так, – если таков закон предвечный! Пусть так, – если земная смерть возрождает к такой неизъяснимо-светлой чистоте и сияющей радости, облечённым в которые явился он ей ныне.

Он подошёл к ней. Он положил ей на голову руку, и она почувствовала, что он о ней молится... Так делывал он иногда, когда она ещё была ребёнком, при жизни её матери. Но тогда она не знала, что отец мысленно творил молитву; теперь же она чувствовала это, как чувствовала и знала каждое слово этой знакомой молитвы, вторя ей, молясь вместе и заодно с отцом.

Это была такая ей родная, такая чудная молитва! Каждый звук в ней, каждое слово порождало отрадные чувства, – трепетное умиление, радость, светлую надежду!.. Она горячо молилась и в то же время думала, как могла она забыть эту молитву?.. Как могла так долго не говорить её, не помнить её высокого смысла?

Она знала, что давно не молилась этой простой, умиротворяющей и всеразъясняющей молитвой. Она сознательно давала себе слово отныне всегда ею молиться и научить ей мужа и детей, радуясь их радости, когда они узнают от неё истинный смысл её и утешительное значение.

И с чувством глубочайшего мира в душе, с радостным сознанием великого откровения, сообщённого ей отцом, Анна спокойно, крепко уснула...

Зато почти в то же мгновение проснулась, за пять комнат оттуда, едва успевшая забыться тяжёлым беспокойным сном Ольга Всеславовна. Она пробудилась от сознания чьего-то присутствия, чьего-то враждебного тяготения. Села в кровати и оглядела комнату... По полу и стенам бродили, колыхаясь, тени от огня в ночнике, по которому прошло откуда-то дуновение... В спальне не было никого.

«Не разбудить ли Риту? Приказать ей здесь лечь, возле меня?..» – подумала Ольга Всеславовна, – но тут же устыдилась своего детского страха.

Она легла, повернулась к стене и заснула сейчас же.

Заснула и увидела сон.

Она спускалась с какой-то тяжёлой, неуклюжей ношей на плечах, по бесконечным лестницам и тёмным переходам. Впереди ей мерцал яркий, переменчивый огонёк: то красный, то жёлтый, то зелёный, он всё мерцал и метался перед нею, из стороны в сторону... Она знала, что если бы удалось ей достигнуть его, – ноша её с неё снялась бы... Но он словно дразнил её, то появляясь, то исчезая, и вдруг пропал из глаз совсем! И она очутилась во мраке в сыром подzemелье с виду пустом, но переполненном чьим-то невидимым присутствием... Чьим?.. Она не знала! Но это переполнение её страшно пугало, душило её, отовсюду на неё наседавая, отымая последний воздух! Она задыхалась! Ужас охватил её при мысли, что верно это смерть... Ей умереть?.. Возможно ли?.. Да ведь этот блестящий, весёлый огонёк только что сулил ей жизнь, веселье и блеск! Ей надо его скорей догнать!

И она хотела бежать. Но ноги её не слушались, – она не могла пошевелиться.

«Господи! Господи! – закричала она, – да что ж это такое?.. Откуда такая напасть?.. Кто меня держит?.. Пустите меня на воздух, не то я задохнусь в этом смраде, под этой непосильной тяжестью!..»

Отчаянный вопль её пронёсся под бесконечными сводами, и со всех сторон эхо, дробясь и переливаясь на тысячу ладов, вернуло ей его обратно, обратив его в раскатистый хохот, в насмешливый, визгливый смех. Она рванулась вперёд в смертельном ужасе, поскользнулась и упала...

Тогда её обступили со всех сторон. Всё то или все те, что невидимо переполняли мрачную пустоту бесконечного подземелья, приступили к ней и то кричали ей, то шептали в самые уши:

«Зачем не уходишь?.. Никто тебе не мешает!.. Ты сама захотела придти сюда. Сама ты нас породила, сама нас возле себя держишь!.. Не задохнёшься!.. Это родная тебе атмосфера. И ношу эту ты доброй волей сама же на себя взвалила... Так иди же! Иди же вперёд! На избранном тобою пути нет отдыха, нет остановок, – или назад, – или вперёд! Иди!.. Иди!..»

И она силилась встать, она сознавала, что обязана идти; но ужас, тоска и мучительный страх приковывали её к месту.

Вдруг мимо неё прошёл Юрий Павлович. Она тотчас его узнала и радостно вцепилась в полу его развевавшейся генеральской шинели.

«Юрий! Прости! Помоги мне!» – закричала она.

Муж остановился, посмотрел на неё печально и отвечал:

«Я бы и рад, да ты сама помешала... Пусти! Пока не распалось это платье, – надо же мне исполнить твоё поручение!»

В эту секунду она проснулась.

Она была вся в холодном поту и судорожно зажимала обеими руками свои простыни. Возле неё никого не было, но она чувствовала ясно ещё чьё-то присутствие и была убеждена, что точно видела сейчас своего мужа.

В ушах её ещё явственно звучал его голос: «Надо же мне исполнить твоё поручение...»

Поручение?.. Какое?..

Она вскочила и торопливо зашаркала босыми ногами по ковру, разыскивая туфли. Её охватило страшное убеждение... Ей надо было удостовериться сейчас, сию минуту!..

«Взять завещание! Взять его оттуда! Сжечь! Уничтожить!..» – мелькало в её уме, пока она лихорадочно вздевала пеньюар, накидывала шаль.

– Рита! Вставай скорее! Скорее!.. Пойдём!

Перепуганная горничная спросонья вскочила, тёрла глаза, ничего не понимая. Холодные как лёд руки барыни теребили её и куда-то тащили.

– Ach lieber Gott... Lieber Gott im Himmel – бормотала она, – что случилось?.. Что вам угодно?

– Молчи! Идём скорее!

И Ольга Всеславовна, со свечей в дрожавших руках, шла и тащила за собою Риту, тоже дрожавшую со страха...

Она отворила дверь спальни и отступила назад...

Все двери были открыты настежь, и прямо перед ней, среди четвёртой, блистал в золоте парчовых покровов и сиянии высоких свечей на траурном катафалке гроб её мужа.

– Что это? – прошептала генеральша. – Зачем отворили все двери?

– Не знаю.... Все они вечером были заперты! – пробормотала в ответ горничная, стуча зубами от бившей её лихорадки.

Ей очень хотелось спросить госпожу, куда, зачем она идёт? Очень хотелось остаться сзади, не идти в ту комнату, но она не посмела.

Они быстро прошли первые комнаты; у дверей последней генеральша поставила подсвечник на ближайший стул и на секунду приостановилась... Их обоих поразил громкий храп чтеца.

– Это дьячок! – успокоительно шепнула генеральша.

Рита едва смогла кивнуть головой.

Однако её успокоил этот здоровый храп живого человека. Не доходя до того места, горничная остановилась, вся дрожа, завернулась в свой шерстяной платок и стала отвернувшись, стараясь только видеть диван со спавшим на нём псаломщиком.

Нахмутив брови, стиснув зубы до боли, Ольга Всеславовна решительно подошла ко гробу и запустила обе руки под цветы в изголовье... Вот рюш... Вот и атлас подушки... и... и дно... где же?! Стучавшее, как молот громко сердце – вдруг ёкнуло и замерло... Завещания тут не было...

«Я, может быть забыла? Может быть оно с другой стороны!» – подумала Ольга Всеславовна и перешла по левую сторону гроба.

Нет... и здесь нет свёртка.

Где же он?.. Кто взял его?!

Вдруг сердце её упало, и сама она схватилась за край гроба, чтобы не упасть с ним рядом. Ей показалось, что из-под окоченелых, крепко сложенных, тяжело осевших рук покойника белеет, сквозь прозрачную кисею покрыва, угол бумаги.

«Вздор! Наваждение!.. Быть не может! Мне померещилось!» – вихрем проносилось в её мутившемся сознании.

Озлобленно заставила она себя скрепиться и ещё раз взглянуть...

Да! Она не ошиблась. Белый уголок сложенной бумаги явственно выделялся на черном мундире.

Да!.. Она не ошиблась. Белый уголок сложенной бумаги явственно выделялся на чёрном мундире генерала.

В эту секунду ветер, откуда-то пронёсшийся по свечам, расшатал их нагоревшее пламя... Тени пошли танцевать по всей комнате, по гробу, по лицу покойника, и в этих быстрых переливах теней и света застывшие черты, казалось, оживились, на губах мелькала печальная усмешка, дрогнули крепко сомкнутые веки...

Раздирающий душу женский крик пронёсся по всему дому.

С отчаянным воплем: «Глаза! Он смотрит!» – генеральша пошатнулась и упала на пол, у мужнина гроба.

Это случилось 23 декабря, в седьмом часу утра.

V

В тот же день рано утром жена нотариуса Ивана Феодоровича Лобниченко, Евгения Гавриловна, поднявшись с петухами, была чрезвычайно занята. Хлопот у неё был «полон рот», по её собственному определению. Завтра сочельник и день её ангела, – да мало того, что её! А вместе и Женички, её семнадцатилетней дочки, баловницы отца с матерью. Было о чём похлопотать!..

Всё надо было закупить – и на постный день, и на праздник и угощение именинное!.. А в доме!.. Святители! Ведь нотариальную контору надо было превратить в танцевальную залу, а Иван Феодорович ещё и нонешних занятий не уступал!

««Будет с вас», – говорил он, – сочельника и двух первых дней праздника! Чего вам ещё?.. А дело не делать, – так ведь и угостить именинных гостей не на что будет!» Что с ним поделаешь?.. Вот опять, как ни мой, ни оттирай полов, а грязищи нанесут клиенты на сапогах, это верно! И опять поломоек нанимай. А где их взять-то, в самый сочельник? Хорошо, что жена швейцара обещалась помочь, да, что полотёры знакомые, – десять лет на них работают, – хоть в самую ночь сочельника да придут натереть.

Лобниченко были семья благочестивая. Новые, модные дельцы Ивана Феодоровича «старозаветным» и «патриархом» называли; он не претендовал, благо делу его это не вредило, а напротив состоял он в большом уважении у купечества. У честного, чистого купечества, кривых дел Иван Феодорович не любил и поэтому вероятно, хотя и не нуждался, но и не богател, как другие его сотоварищи. Искони было заведено у Евгении Гавриловны в день Ангела батюшку благочинного, её долголетнего духовника и всех посетителей постным пирогом угощать; а молодёжь на веселье и танцы, в сочельник не подобающие, на первый день праздника звать.

Поневоле приходилось ни свет, ни заря накануне именин подыматься и самой хлопотать и за работой Анисьи и Артемия присмотреть, а потом и с кухаркой Дарьей на Сенной побывать. В этом ветхозаветном доме и прислуга подстать была; жила по десяти, да по двадцати лет. Горничная Анисья, уж на что шустрая, а и та пятый год доживала; а лакей десять лет ворчал, что «завтра» уйдёт, – но это завтра никогда в сегодня не превращалось, и никто никогда на его воркотню внимания не обращал, зная, что Артемий – меланхолик. Артемий был человек исправный и честный, но большой оригинал и пессимист. Он был совершенно уверен и не стеснялся высказывать своего убеждения, что все люди на свете, – «акромья его с барином» – полоумные!.. Да по правде сказать барина-то он лишь на словах исключал, – а в тайне и его приобщал к «придурковатым» ...

«И чего мечутся, оканные, прости Господи! – ворчал он в то утро, немилосердно растирая суконкой медный подсвечник в чуланчике, возле передней, при свете керосиновой лампочки с разбитым и печально накренившимся зелёным колпаком. – Спросить: чего мечутся?.. Сказано поспею и – поспею!.. Впервые что ль?.. Ишь – серебром гремит сама! Достает, чуть не с ночи, будто этому времени во дню не будет!.. А Анисья с подсвечниками да лампами пристаёт. Время к свету – а она с освещением лезет!.. Никакого тебе резону в этом доме не полагается!.. Одно слово: шальные!.. А вот сейчас и сам закричит. А там – посетители звонить начнут... Ах! Жизньё наше каторжное!..»

Евгения Гавриловна между тем выбрала из комода запасное серебро, бельё столовое, сдала всё Анисье; подтвердила ей приказание, как только барин встанет и чай откушает, так, не дожидаясь барышниного позднего вставания, идти в магазин, наведаться о Женичкином платье, чтоб его непременно к вечеру доставили. Да чтоб она не проболталась, не дай Бог, барышне, об ожидавшем её сюрпризе.

В эту минуту на Думе пробило восемь часов, и Евгения Гавриловна ещё пуще засуетилась: пора им было с Дарьюшкой на Сенную.

По соседству, в спальне, слышалось шуршание спички и зевки Ивана Феодоровича.

– Вставай, вставай! Давно пора! – закричала ему жена. – И чего свечку зажигаешь? Девятый час! Совсем светло.

И в подтверждение своих слов Евгения Гавриловна задула лампу. Серые, печальные сумерки за окном пестрели частой снежной сеткой.

– Артемий!.. – раздался, хриплый спросонья, голос нотариуса. – Прибрано ль в конторе-то?.. Того гляди, кто придёт!.. Уж ты матушка, со своими хлопотами, да праздниками, только людей с ног сбиваешь! – ворчал он на жену, но в полголоса, чтобы она не расслышала.

Громкий звонок раздался в передней.

– Вот оно! – мрачно буркнул Артемий в чулане, ожесточённо сплёвывая в угол.
– Вот оно! – вскричал и хозяин его, заторопившись. – Есть ли кто в конторе? Пришёл Пётр Савельевич?

– Нет ещё! Никто не приходил, – отозвалась жена.
– Ну как же ж так!.. Эх! Право, какой этот Пётр Савельевич!.. А писаря там?
– Никого ещё нет. Наши часы впереди... К десяти будут... Надо же о празднике людям позаботиться тоже... Это какой-то оголтелый так рано пришёл! – заключила Евгения Гавриловна.

– А ты погляди, милочка, – просил её супруг, – если кто порядочный, – выдь сама. Скажи, что я тотчас.

– Ну, уж кому порядочному в такую рань придти?.. «Артемий! – выглянула в прихожую барыня», – скажи, что сейчас барин выйдет.

Но Артемий и сам рассудил, что никто «стоящий» в такое время не пожалует, а потому и не спешил.

Новый, нетерпеливый звонок заставил его, однако, стукнуть подсвечником о стол и пойти отворить.

Приоткрыв дверь, он чуть рта не открыл от изумления и широко распахнул её.

Перед оторопелым лакеем стоял генерал во всей парадной форме, с крестами и звёздами, как ему показалось, покрывавшими всю его богатырскую грудь...

– Можно видеть нотариуса? – спросил генерал.

– Можно-с! Пожалуйте-с! Вот контора-с!.. Барин сею минутою.

И растерявшись до того, что совершенно не приметил странного обстоятельства, что посетитель был в одном мундире, без верхнего платья в такой мороз, Артемий опрометью бросился за барином.

– Пожалуйте-с скорее! – зашептал он, – генерал! Важнеющий!.. Вошли уж, ожидают!

– Ах, Господи! Что тут делать? Женичка! Мамочка! Выручи, Бога ради, выйди! Попроси минуточку подождать! – отчаянно взмолился Иван Феодорович.

Евгения Гавриловна, накинув шаль, поспешила в контору.

В первой комнате, довольно ещё сумрачной в эту раннюю пору, действительно стоял высокий, сановитый генерал.

– Извините, ваше превосходительство! – разлетелась к нему г-жа Лобниченко. – Муж сейчас выйдет! Прошу покорно сюда, к нему!.. Вот не угодно ли присесть, – кресло!

Но посетитель не двигался с места. Он только сказал:

– Я говорил господину нотариусу, когда он совершал этот документ, что попрошу его сохранить. Вот он... Я сам принёс!.. Прошу его передать моей дочери.

Тихий ли, торжественный голос генерала или другое что в нём поразило Евгению Гавриловну, но она почувствовала холодные мурашки вдоль спины и едва нашлась ответить.

– Он сейчас, сам...

Генерал кивнул головой и продолжал стоять среди светлевшей комнаты.

В нескольких шагах от него, на пороге следующей комнаты, стояла, так же, как он неподвижно, Евгения Гавриловна, глаз с него не сводила, и сама не знала почему – «дрожмя дрожала».

Так через несколько минут застал их Иван Феодорович. Он спешил как мог, узнав же, кто его клиент, изумился и обрадовался, и заспешил ещё больше.

– Ах! Ваше превосходительство, как я рад!.. Вот! Я был уверен, что вы поправитесь!.. Слава Богу!.. Прошу покорно! Чем могу служить?.. Пожалуйте?

Но генерал не внимал и его просьбам, а продолжал стоять, где был и повторил вновь, почти дословно свою будто бы заученную речь.

– Я вас просил сохранить этот документ. Я принёс его сам... Прошу вас, господин нотариус, лично передать его в руки дочери моей, как только узнаете о моей смерти.

«Батюшки! Что ж это с ним?.. В рассудке ли?.. Какой странный!» – думал Иван Феодорович.

– Помилуйте, ваше превосходительство! Зачем такие чёрные мысли?.. Бог даст, теперь скоро совершенно будете здоровы, уж если доктора вам выходить разрешили, – говорил он в то же время.

Генерал молча протянул ему маленький свёрток.

«Зачем это он так его скомкал? – изумлялся нотариус, развернув и расправляя знакомое духовное завешание. – Свихнулся, ну, право же свихнулся, сердечный! Верно на мозг бросилось!»

А сам продолжал громко:

– Неудобно ли вам написать адрес? Вот мы положим в конверт, запечатаем! – и он всё это делал, искоса поглядывая с возрастающим недоумением на неподвижного генерала. – Вам самим неудобно?.. Так потрудитесь мне продиктовать имя и фамилию вашей дочери.

Иван Феодорович присел бочком на стул своего помощника, обмакнул перо в чернильницу и посмотрел на генерала Дрейтгорна, в ожидании.

Генерал сказал явственно:

– Передать немедленно дочери моей, Анне Юрьевне Борисовой...

Лобниченко написал: «Анне Юрьевне, госпоже Борисовой»; а сам, подняв вновь удивлённый взор на своего раннего посетителя, его спросил:

– Как же – немедленно?.. Прошу прощения! Мне слышалось, что вы изволили сначала приказать отдать им... в случае вашей кончины?

Генерал утвердительно наклонил голову и пошёл к выходным дверям.

Нотариус бросился было за ним в прихожую, но генерал властно протянул руку назад, как бы воспрещая проводы. Иван Феодорович прирос к месту.

Когда посетитель его притворил за собою дверь, он опомнился и закричал:

– Артемий!.. Шинель генералу!

Но когда мрачный Артемий вынырнул из тёмного чулана, генерала уже не было в передней.

Артемий устремился на лестницу, сбежал в швейцарскую... Нигде никого.

– Должно здесь пальто, аль шубу оставляя! И сам надел, видно! – решил Артемий.

И почесав в голове, заключил:

– Сказано – все полоумные!

Он было вернулся в свой чулан, да с первых ступеней его окликнул разносчик с газетами.

– Захвати-ко, брат, вам «Новое время» ...

– Давай! – протянул за газетой вниз руку Артемий; да вдруг, сам не зная с чего, спросил. – Не видал генерала?

– Какого генерала?

– Да вот... от нас сейчас вышел.

– Что ты, брат, очумел! – хладнокровно отвечал разносчик, – что ли генералы этаку рань бегают по улицам? Это нас только гоняют!

«Чудно!» – почему-то решил Артемий, медленно отсчитывая ступени.

Евгения Гавриловна наконец покончила распоряжения и сборы на Сенную и стояла уже в шубе, окутывая голову платком сверх шляпки, когда явился помощник её мужа, и писаря заскрипели перьями.

– Как же вы так поздно, Пётр Савельевич? – слышала она укоризненные замечания Ивана Феодоровича. – Я же вас просил вчера не опаздывать!

– Помилуйте! Да нынче вряд ли дело будет! – отвечал помощник, – ведь никого же ещё не было?

– А вот и были!.. Да ещё какой важный клиент!.. Генерал Дрейтгорн привозил на хранение своё духовное завешание, что тому два дня я ему делал?

– Что? – протянул помощник, – да, ведь, говорили, он вчера скончался!

– Ну, вот!.. Мало чего говорили!.. Сам нынче доставил... Давай сюда!

Артемий подал внесённую им в эту минуту газету.

Иван Феодорович Лобниченко взял её и, против обыкновения минуя первый лист, сам не зная чем руководствуясь, прежде всего остановился на обычной веренице чёрных рамок... Пробежав траурный список, он вздохнул, будто облегчённый.

В эту минуту из коридора, уж вся укутанная, вошла Евгения Гавриловна и первым делом, тоже совсем не сообразно со своими привычками, наклонилась к газете и спросила:

– А кто умер?

Они и по сию пору оба, муж и жена, не перестают дивиться: что на них напало? Как могла им придти, казалось бы, такая невозможная, такая дикая мысль?

Но тем не менее факт остаётся фактом.

– Кто умер? Да многие, матушка. Кому час пришёл – тот и помре! – шутливым тоном отвечал ей муж.

«Нарочно», – как он впоследствии сознавался, а совсем не потому, чтобы шутить хотелось.

И говоря это он медленно оборачивал газету первой страницей вверх, притворно смеющимися глазами засматривая в лицо своей супруги.

Это когда-то красивое и ныне ещё миловидное, несмотря на погромы лет и некоторое излишество жиру, лицо было дорого Ивану Феодоровичу, как и во дни его первой молодости. И вдруг это милое, спокойно приветливое лицо, на глазах его вытянулось, побледнело, исказилось ужасом и застыло широко-открытыми глазами вверху первых столбцов «Нового времени» ...

– Что?.. Что такое, мамочка?!. Женичка!.. Тебе дурно? – в страхе восклицал нотариус, стараясь обхватить несколько пространную для полного обхвата талью жены, поверх солопа. – Пётр Савельевич, голубчик, воды!..

Евгения Гавриловна замотала головой и, всё ещё не находя голоса, могла лишь поднять руку и, уронив указательный палец на объявление во главе газеты, многозначительно постучать им по широкой траурной рамке.

И муж её и любопытно приблизившийся помощник его прочли одновременно:

«Ольга Всеславовна Дрейтгорн с душевным прискорбием извещая о кончине супруга своего генерал-лейтенанта

ЮРИЯ ПАВЛОВИЧА ДРЕЙТГОРН,

последовавшей вчера 22 декабря, в половине первого пополудни, покорнейше просит родных и знакомых...»

И прочее...

Далее они читать не стали, а поглядели друг на друга вопросительно.

– «Последовавшей вчера, 22 декабря!..» – выразительно повторила Евгения Гавриловна.

И, перекрестившись на икону, молитвенно прибавила:

– Упокой, Господи, душу раба Твоего!

Перекрестился за ней и Иван Феодорович и поник седой головой, в небывалом раздумье.

Через минуту помощник его неуверенно проговорил:

– Кого ж это он вместо себя присылал?.. С завещанием-то к вам, сюда!

– Кого? – вскинул на него глазами принципал. – А не знаем! Бог знает!

И тут же, выйдя из конторы в свои комнаты, супруги было сговорились не только что от своей Женички хранить в тайне это казусное происшествие, но без нужды никому о нём не рассказывать... Ну! Да ведь шила в мешке не утаишь!.. А уж что ж это за тайна, которую знают трое или четверо?

В тот же день, после торжественной панихиды по усопшем, нотариус Иван Феодорович Лобниченко, в присутствии официальных свидетелей передав пакет, содержащий духовное завещание покойного генерала Дрейтгорна, дочери его, Анне Юрьевне Борисовой, – заявил, что имеет на то личное, строжайшее его приказание.

Ни она и никто в этом не увидали ничего особенного.

Однако со свидетелями, подписавшими завещание и с доктором в особенности ему пришлось иметь объяснение весьма затруднительное... Что мог он показать, кроме истины?.. Как ни была она необычайна, но что возможно возразить против очевидности? Факт был неоспорим: завещания они не могли не признать. Благо, что оно, таинственно исчезнув из шкатулки покойного, оказывалось у официального лица, в сохранности и неприкосновенности. Закон был соблюден и справедливость восстановлена.

Это было главное.

Что сказала на это вдова, Ольга Всеславовна?.. Как она приняла появление нового завещания и все сопряжённые с ним, для неё, невзгоды?

Вначале, когда эта история, очень похожая на святочный вымысел, поразила и заняла всех, до кого дошли её странные подробности, генеральша о ней говорить ничего не могла. После обморока, в который бедняжка упала, молясь ночью у гроба своего супруга, она заболела нервной горячкой и шесть недель была между жизнью и смертью. Поправившись, она уехала куда-то, – только не за границу, – по-видимому спокойно покоровшись своему положению.

Теперь, говорят, она сильно изменилась и в нравственном и в физическом отношении: притихла, часто болеет; сразу опустилась и постарела... Всё, слышно, разъезжает по монастырям, да по храмам с чудотворными иконами и служит панихиды да молебны.

Оглавление

I

II

III

IV

V